

Маклаевские чтения – 2007

А.А. Лебедева

24 апреля 2007 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера РАН) состоялись очередные Маклаевские чтения. Конференция была посвящена 200-летию установления дипломатических отношений между Австралией и Россией, поэтому было немало докладов по истории, этнографии и даже лингвистике австралийских аборигенов. Остальные доклады были посвящены проблемам этнографии и коллекциям МАЭ по народам, говорящим на австронезийских языках (островная Юго-Восточная Азия и Океания), и континентальной Юго-Восточной Азии. Как и в прежние годы, в Маклаевских чтениях, кроме сотрудников Кунсткамеры, принимали участие преподаватели, аспиранты и студенты Санкт-Петербургского университета, Морского технического университета, а также работники посольства Республики Индонезия и индонезийские ученые – и как слушатели, и как докладчики.

Доклад Е.В. вановой (МАЭ РАН) “Семанги в южном Таиланде на рубеже XX–XXI вв.” был посвящен современному положению мани – одной из групп этнической общности семангов, обитающих в трех провинциях – Транг, Сатун и Патталунг в таиландской части Малаккского п-ова. Новые данные об этом народе появились в результате полевых исследований, предпринятых в конце XX в. немецкими учеными Г. Альбрехтом и И. Мозером.

Специально приехавший из Индонезии ученый Ван Джамалуддин в докладе “Al-Palimbani’s thoughts in his sufistic work (на основе Санкт-Петербургской рукописи)” подробно рассказал о труде малайского философа, суфия XVIII в. из Палембанга (Суматра), на основе его рукописи, хранящейся в Институте востоковедения.

В.Н. Кисляков (МАЭ РАН) в своем сообщении обрисовал историю формирования Индонезийского фонда МАЭ РАН на протяжении более чем полутора столетий. Благодаря нескольким поколениям собирателей, среди которых следует отметить европейских коллекционеров и исследователей конца XIX – начала XX в. К. Машмейера, Г. Мейсснера, А. Грубауэра и российских собирателей А.С. Эстрина и

Арина Александровна Лебедева — старший лаборант и заочный аспирант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

А.Я. Смотрицкой, наш музей стал обладателем богатых коллекций по народам большинства островов Индонезии (батакам, минангкабау, тораджам, народам Молуккских островов). Несколько позже МАЭ установил связи с Лейденским этнографическим музеем, из которого поступили богатые собрания, заполнившие некоторые лакуны.

В настоящее время МАЭ обладает богатыми индонезийскими фондами, насчитывающими несколько тысяч экспонатов, значительная часть которых является уникальной.

Доклад А.М. Решетова (МАЭ РАН) “К истории формирования архивных фондов Н.Н. Миклухо-Маклая в архивах Русского Географического общества и РАН (АН СССР)” посвящен возвращению архива Н.Н. Миклухо-Маклая из Москвы, куда он был увезен академиком Д. Н. Анучиным, в РГО. Архив был возвращен в Ленинград усилиями работников РГО в связи с выставкой 1938 г., приуроченной к 50-летию со дня смерти Миклухо-Маклая, где архив был продемонстрирован. Большую роль в возвращении архива сыграл президент АН Н.Н. Вавилов.

В докладе А.А. Лебедевой (МАЭ РАН) “Коллекция антропологических фотографий Н.Н. Миклухо-Маклая” была рассмотрена группа фотографий, обнаруженных автором в архиве отдела Австралии, Океании и Индонезии и не зарегистрированных в качестве музейной коллекции. Изучив ряд документов и архивных фондов, автор полагает, что некоторые из фотографий можно атрибутировать, как часть коллекции, собранной Н.Н. Миклухо-Маклаем. О существовании ее известно, но многие из снимков считались утраченными.

И.К. Федорова (МАЭ РАН) в докладе “Неизвестные материалы о маори Новой Зеландии (первая треть XIX в.)” рассказала о заметке, написанной миссионером отцом Серваном и адресованной главному наставнику общества Святой Марии отцу Колену. Заметка была составлена 7 сентября 1841 г. в Хотианга (Новая Зеландия) и содержит ранние малоизвестные сведения о жизни маори – аборигенов Новой Зеландии; включает сведения как о материальной культуре, так и о духовной жизни маори начала XIX в., когда аборигенное общество еще не подверглось влиянию европейской цивилизации.

А.Ю. Синицын (МАЭ РАН) представил сообщение “Об одной японской картине из коллекции доктора Штуцера”. Среди предметов, представленных в коллекции № 677 (японское собрание МАЭ) есть около 60 вещей, восходящих к коллекции д-ра И.А. Штуцера, подаренных им императрице Екатерине II в 1795 г. Многие из этих предметов – подлинные шедевры японского искусства второй половины XVIII в. Особое место занимает экспонат № 677-30, картина на шелке с видом храма Киёмидзу-дэра, где изображены также несколько европейцев, посещающих храм в 1793 г. Представляется, что один из этих европейцев – сам д-р И.А. Штуцер, а подаренная им картина – первое документально зафиксированное в России произведение традиционной японской живописи.

А. Макеев рассказал об экспедиции, которая работала в Индонезии в начале 2006 г. с целью создания документального фильма о Н.Н. Миклухо-Маклае. В группу

входило только двое участников – Л. Круглов и А. Макеев, поскольку одной из задач экспедиции было проникновение в центр труднодоступных и малонаселенных территорий папуасского племени короваев. Сообщение сопровождалось демонстрацией слайдов.

С.Е. Яхонтов (СПбГУ) посвятил доклад характеристике австралийских языков с точки зрения сравнительного языкознания.

В докладе А.В. Буденковой (Политический институт СФУ, Красноярск) «Австралия и Россия. Общность интересов и перспективы регионального сотрудничества» анализировались основные аспекты торгово-экономического и научно-технического сотрудничества Австралии и России на современном этапе. Отмечались рост инвестиционных потоков в обоих направлениях, активизация сотрудничества в области освоения космоса. Эти сферы взаимодействия Австралии и России создают материальную основу для поступательного развития их отношений. Известная общность интересов может быть отмечена и в военно-политической области. Это прежде всего совместная борьба против угрозы терроризма и участие в интеграционных процессах в АТР в рамках организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Развитие отношений с Австралией и деятельность в рамках АТЭС не только уменьшает опасность выпадения России из тихоокеанского экономического пространства, но и позволяет ей принимать деятельное участие в дальнейшей разработке основных принципов торгово-экономического и политического сотрудничества в АТР с учетом российских интересов.

В докладе А.Я. Массова (СПб. Гос. Морской технический университет) «Австралия и Россия – 200 лет отношений» был представлен обзор истории русско-австралийских связей, начиная с 1807 г., когда в Сидней – центр первой английской колонии на пятом континенте – прибыл русский корабль «Нева». На протяжении XIX в. Австралию посетило более 30 кораблей российского военно-морского флота. Среди них были как корабли кругосветных экспедиций, так и суда из состава русской эскадры Тихого океана. Моряки из России проводили исследования природно-климатических особенностей Австралийского материка, изучали образ жизни его коренного населения. Они оставили также описания «белой» Австралии, которые во многом повлияли на формирование в России представлений об этой стране. В первой трети XIX в., когда отношения Англии и России носили дружественный характер, русских моряков в Австралии ожидал теплый прием. Во второй половине XIX в. в условиях обострения русско-английских отношений в Австралии коренилась русофобия и опасения возможной атаки российского флота на австралийское побережье. Вместе с тем со второй половины XIX в. началось развитие консульских, торгово-экономических, культурных и научных связей между двумя странами. В развитии научных контактов между Австралией и Россией большую роль сыграл Н.Н. Миклухо-Маклай.

В XX столетии отношения двух стран отличались крайне неровным характером. Союзнические отношения в годы Первой мировой войны сменились неприязнью австралийцев к большевистской России. Вызывала тревогу в Австралии и деятель-

ность радикального крыла русской эмиграции. Новый всплеск симпатий к СССР в ходе совместной борьбы с фашизмом в годы Второй мировой войны сменился взаимным недоверием, а то и враждебностью в период “холодной войны”. Потепление отношений в период разрядки и первых лет существования постсоветской России уступило место стагнации взаимных связей в начале XXI в. из-за опасения австралийцев относительно возможного “отката” России от демократии. Вместе с тем у двух стран существуют хорошие перспективы налаживания политического диалога по проблемам борьбы с терроризмом, обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, развития интеграционных процессов в АТР. Есть перспективы и для развития торгово-экономических связей, прежде всего в области энергетики, цветной металлургии и добычи полезных ископаемых.

Доклад Н.М. Сланевской (ИВЭСЭП) “Австралийская идентичность в Азиатско-Тихоокеанском регионе” был посвящен формированию данного явления. По ходу истории австралийская идентичность формировалась исключительно в силу политических решений, сначала со стороны Британии, когда осужденных из Англии переправляли в далекую Австралию, сразу решая две проблемы: освобождение английских тюрем и колонизацию нового континента, а затем согласно решениям австралийского правительства. При этом можно выделить три этапа формирования австралийской идентичности: англо-кельтская (переселенцы и осужденные из Британии), европейская (первоначальная англо-кельтская идентичность подверглась модификации за счет большого притока новых иммигрантов из Восточной Европы после Второй мировой войны согласно политическому решению австралийского правительства и превратилась по сути в европейскую идентичность на основе англо-кельтской) и расширенная европейская за счет политики “азианизации” и мультикультурализма 1990-х годов.

Глобальные процессы и бурный экономический успех азиатских стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне экономического упадка самой Австралии заставили австралийское правительство принять новую дипломатическую позицию в регионе – позицию активного сотрудничества с азиатскими странами и политику мультикультурализма в самой стране. Попытка премьер-министра П. Китинга в 1990-е годы изменить сверху австралийскую идентичность, т.е. “азианизировать” австралийцев с помощью специальных государственных программ с целью более плодотворного экономического сотрудничества с азиатскими государствами, дала противоречивые результаты. С одной стороны, наблюдался некоторый подъем национализма в Австралии, в частности была организована партия Полины Хэнсон, выступающая против возросшего потока азиатских эмигрантов и мигрирующих рабочих, с другой стороны, благодаря политике “азианизации” и мультикультурализма произошло несомненное расширение базы австралийской (европейской) идентичности.

Доклад Н.В. Федорова (СПбГУ) носил название “Противостояние с СССР в период “холодной войны” и военно-морская политика Австралии”. Военно-морскому флоту в оборонной политике Австралии традиционно уделялось значительное вни-

мание. Определенное влияние на развитие австралийского флота оказывали и отношения с Россией. Во второй половине XIX в. в Австралии опасались нападения российского флота. Эти слухи не имели под собой реальных оснований, но стали одним из поводов для создания австралийских вооруженных сил. В 1920–1930-е годы влияние Советской России на юге Тихого океана было слишком незначительным, чтобы оказать влияние на австралийскую политику. Однако после окончания Второй мировой войны Австралия, как союзник Великобритании и Соединенных Штатов, оказалась в состоянии противостояния с СССР в “холодной войне”. Австралийский ВМФ принимал участие в ряде конфликтов “холодной войны”, в том числе в Корею и Индокитае. Основной задачей австралийского флота было взаимодействие с ВМС союзников, в первую очередь – Соединенных Штатов. После провозглашения президентом США Р. Никсоном в 1969 г. Гуамской доктрины и сокращения британского военного присутствия в Тихом океане Австралия была вынуждена в своей оборонной политике больше полагаться на собственные силы. Значительное влияние на формирование самостоятельной австралийской военной доктрины оказало противостояние с СССР и особенно рост советского флота в Тихом океане, хотя сами австралийские военные и политики признавали, что советская угроза носила не прямой, а скорее гипотетический характер. Противостояние с СССР в период “холодной войны” наложило определенный отпечаток на формирование австралийской военной политики (включая развитие военно-морской стратегии и военного кораблестроения), в том числе и в плане превращения Австралии в лидера Южно-Тихоокеанского региона в оборонных вопросах.

В докладе П.Л. Белкова “Лунный миф аборигенов Квинсленда (мотивы и структура)” на примере легенды аборигенов р. Блумфилд (Австралия) рассматривалась проблема структуры мифологических циклов. Проблема ставится в рамках отношения понятий сюжета и композиции повествовательного фольклора.

В заключительной части конференции О.Ю. Артемова (ИЭА РАН) представила фильм, снятый ею в ходе экспедиции в Кейп-Йорк, сопровождавшийся комментариями автора о современной культуре и быте коренного населения Австралии.